

Глава 4. Прощание. Одни?

Между моими сыновьями десять лет разницы. Выпуск из детского сада младшего сына совпал с окончанием школы старшим. Витя поступил в престижный вуз в другом городе, выбрав в качестве будущей профессии научную деятельность.

Мы с мужем очень за него радовались. В Академгородке под Новосибирском создана огромная научная база, настоящий «город ученых», где студенты могут упражняться в исследованиях и изобретениях. Сын начиная с седьмого класса занимал призовые места в городской и краевой олимпиадах по физике. В Новосибирский государственный университет его взяли как призера краевой олимпиады.

Однако к радости примешивалась грусть. Я никак не могла смириться с мыслью о скором расставании с сыном. Как это часто бывает, осознание накрыло внезапно, оглушив, сбив с ног, и на время погрузило мир во мглу.

От многих я слышала, что дети бывают разными по характеру. Но такую полярность, какую я наблюдала между своими сыновьями, редко встретишь в одной семье. Младший Сережа был закрытым необщительным ребенком с задумчивым взглядом, обращенным внутрь себя. Безусловно, большую роль сыграла патология, проявившаяся в раннем возрасте (в три года ему был поставлен диагноз «аутизм», который впоследствии сняли, об этом я рассказала в своей первой книге)⁶.

Старший ребенок, напротив, отличался крайне открытым и добродушным нравом.

Если верить классику психоанализа Юнгу, каждый человек принадлежит к какому-либо архетипу. На основе его исследований Маргарет Марк и Кэрол Пирсон создали классификацию, состоящую из двенадцати архетипов⁷.

Согласно этой типологии Витя, безусловно, «славный малый». Он всегда был громкоголосым и шумным. Добрым и чувствительным. Отзывчивым и невнимательным к деталям. Наивным и обидчивым. Часто опаздывал на уроки и врвался в класс в последний момент с оторванной по дороге пуговицей на рубашке и дыркой на колене после неудачного падения. Всегда выбегал из дому за пять минут до начала занятий и часто опаздывал.

В школе Витя учился неровно и непредсказуемо, однако все схватывал на лету и умудрялся не терять нить урока, даже сидя спиной к учителю и параллельно разговаривая с соседом с задней парты. Подробнее о детях с СДВГ (синдромом дефицита внимания и гиперактивности) можно узнать из главы 43 моей первой книги.

Все окружающие (исключая педантичных и особо требовательных учителей) любили Витю и прощали ему особенности характера. Он был необыкновенно ласковым и преданным. В семье все были к нему привязаны, начиная от бабушек и заканчивая котом Бейсином.

У меня есть версия, что впоследствии наш кот скоропостижно умер не столько от мочекаменной болезни, сколько от тоски по своему другу, который был ему почти ровесником в измерении кошачьего возраста.

Накануне первого сентября Витя должен был уезжать. Осознав, что разлука неизбежна, я испытала отчаяние

такой силы, что почти выключилась из жизни на сутки, ходила по дому как в тумане.

Матери очень тяжело смириться с мыслью, что дороги с сыном расходятся. Витя был настолько неотделим от жизни семьи, что я совершенно растерялась. КАК? Как мы будем существовать без него, без его громкого голоса, вспышек эмоций, шумных обсуждений событий повседневной жизни за столом?

Я боялась остаться без его поддержки. Ни для кого из окружающих не являлось секретом, что старший ребенок был моей моральной опорой в повседневных неурядицах и трудностях, которые создавал младший сын.

Во-первых, Витя чаще оказывался рядом. Муж длительное время избегал общения с Сережей из-за его особенностей и старался приходить домой попозже, оправдывая это загруженностью на работе и занятостью. В выходные, ссылаясь на то, что ему надо отдохнуть, уезжал на дачу или рыбалку.

Мы оставались одни. Спасали эмоциональность Вити и сочувствие, которое он выражал мне. Да и реальная помощь в домашних делах тоже была не лишней. Сходить в магазин, развесить белье после стирки, приготовить ужин — все это старший сын выполнял с готовностью и удовольствием. Некоторая торопливость и небрежность в выполнении просьб сглаживались стремлением помочь и безотказностью.

И к Сереже Витя был значительно ближе, чем остальные члены семьи. Несмотря на огромное количество времени, которое я уделяла младшему сыну, Витя не поддавался ревности и обидам, что часто бывает у старших детей.

Он принимал участие в играх, праздниках и имел на Сережу большое влияние. Был единственным, кого Сережа слушал и с кем не спорил.

Уверена, что, если бы Витя продолжал жить дома, у Сережи было бы гораздо меньше проблем в школе. За его спиной была бы мощная защита, поддержка и авторитет. Однако у каждого человека своя дорога. Мы не имели права лишать старшего сына возможности идти своим путем.

Я убеждала себя, что необходимо решиться на отделение, сепарацию Вити. Что так будет лучше прежде всего для него. Он должен стать самостоятельным. Должен начать жить своей, отдельной от нас жизнью. Иначе он не сможет создать свой, независимый от родителей, мир.

Постепенно ко мне пришло смирение.

В Новосибирск мы отправились на машине. Так как муж получил травму, за руль пришлось сесть мне. Нас ждал неприятный сюрприз: общежитие, где предстояло жить нашему сыну, привело нас с мужем в уныние. Комната на четверых с двухъярусными кроватями и грязными обоями была насквозь прокурена. Стены в санузле не отличались чистотой, с потолка бахромой свисала старая краска.

Пришлось ехать в строительный магазин и покупать материалы для ремонта, делать который ребятам предстояло самим. В покраске потолков и обновлении обоев им помогли родители соседа по комнате. Мы с мужем остаться помочь не могли: мне необходимо было выйти на работу, а Сережа шел в первый класс. Поэтому в тот же день мы уехали обратно.

Домой вернулись затемно. Я не так давно села за руль машины, опыта комфортного вождения у меня не было. День, проведенный в непривычном напряжении, и прощание с сыном совершенно выбили из сил.

Я лежала в кровати и думала о нашей будущей жизни. Она казалась смутной и неясной, как туман на болотах. Предчувствие перемен не радовало меня, хотя я научилась не протестовать.

Мне не хватало мудрости и мужества принять испытания безропотно, но я уже знала, что пройти через преграды придется.

Глава 5. Первый раз в первый класс. Учитель с говорящей фамилией

Накануне первого сентября состоялось собрание родителей первого «Г» класса. В нем оказалось много детей, с родителями которых я была знакома ранее. С некоторыми из мам мы встречались на прогулках во дворе или на школьном стадионе, многие жили в соседних домах.

На собрании я встретила однокурницу Оксану. Ее дочь Маша оказалась в одном классе с моим сыном.

С мамой и бабушками двух других девочек из класса мы познакомились во время занятий в прогимназии, когда ждали маленьких учеников в коридоре. Я перекидывалась со знакомыми репликами, получая в ответ симпатию и улыбки. Мне кивали головой, говорили слова приветствия.

Также я обратила внимание на маму мальчика, который ходил в одну группу с сыном в детский сад, когда Сережа еще не разговаривал. У меня в душе шевельнулось смутное беспокойство. Этот мальчик был одним из тех, кто обижал и дразнил моего сына. Правда, прошло уже довольно много лет. Дети повзрослели.

Может быть, все плохое осталось позади? Никто из родителей внешне не выказывал удивления или повышенного внимания. Это усыпило мою бдительность. Подавив в душе тревогу, я решила настроить себя на позитивный лад.

Учительница казалась спокойной и уверенной. Она посадила всех родителей в круг и предложила познакомиться друг с другом, представляясь и называя не только свою фамилию и имя, но и род занятий.

На первый взгляд, это хороший замысел. Он призван был создать дружескую и непринужденную обстановку среди нас, малознакомых людей, которым придется в будущем часто встречаться.

Но выяснилось, что мы представляем собой довольно разношерстную компанию, в которой оказались люди и с научными степенями, и с низким уровнем образования.

Выбранная форма проведения собрания была неудачной затеей. Никто из нас не планировал оказаться на психотерапевтическом сеансе, где делятся сокровенными мыслями и чувствами. Разница в образовательном и культурном уровне родителей заставляла ощущать неловкость.

После знакомства Ирина Константиновна стала рассказывать о своих намерениях по созданию дружного, сплоченного коллектива класса. Она показала нам план

проведения мероприятий для детей и родителей. В перечне значились праздники, эстафеты, конкурсы и поездки. Предполагалось, что родители должны принимать активное участие в общественной жизни класса.

Палкина произносила свою речь четким, бодрым голосом, не допускающим возражений и дискуссий.

Позже, во время проведения родительских собраний, мы узнали цену несогласия с требованиями администрации, представителем которой являлась Палкина. Любое возражение приводило к предложению «забрать ребенка из школы» и «найти себе более подходящее учреждение».

Школа входила в список «100 лучших школ России»⁸. Администрация считала, что может жестко предъявлять требования, ставя на первое место участие в рейтингах, конкурсах и отборах и не считаясь с мнением родителей и учеников.

В своем монологе Палкина отметила, что у нее нет возможности тратить время на общение с родителями, поэтому звонить ей запрещено. Обращаться можно только в исключительных случаях, после уроков, заранее договорившись о встрече.

Таким образом, для родителей, которые работали до вечера и не имели возможности прийти в школу в середине дня, отсекалась возможность разговора с учителем тет-а-тет.

Когда Ирина Константиновна в конце собрания спросила, какие есть вопросы, раздался робкий голос одной из мам. Она выразила беспокойство по поводу того, что «в школах существует травля детей», и поинтересовалась, как

администрация «профилактирует» эту проблему. Ведь если вовремя не отреагировать, не встать на защиту, не будет никаких препятствий для того, чтобы ребенка продолжали обижать и дальше.

Палкина решительно заявила, что таких проблем в нашем классе быть не может. В школе дежурит охранник, который следит за порядком и предотвращает все возникающие конфликты между учениками. Руководство предусмотрительно обеспечило охрану, предвосхитив вышедший впоследствии закон (Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации»).

Я задумалась. Какой безопасности прежде всего я хотела бы для своего сына? Спасения от кого? От террористов? Воров? Наемных убийц?

То, что потом изо дня в день в течение нескольких лет происходило в нашей школе, оказалось прямой противоположностью картине, которую нарисовала наша учительница. Внешние атрибуты, которые соблюдались (наличие на входе стола, за которым сидел охранник, пропуск родителей по паспортам), больше защищали учителей от назойливости родителей, чем детей от мифической опасности. У родителей проверяли документы, аккуратно фиксируя в журнале время пребывания в школе.

Но такой ли безопасности для сына я хотела?

Наверное, в тот момент я об этом вообще не думала. Не могла предположить, что в престижной школе в течение нескольких лет будут разворачиваться такие события, которые глубоко ранят его и оставят неизгладимый след в душе.